

Михаил ГОЛУБКОВ,
Дарья КРотова

г. Москва

Время настало:

Сергей Куняев о Николае Клюеве и его эпохе

С появлением в 2014 году книги С.С.Куняева «Николай Клюев» серия «Жизнь замечательных людей» обогатилась глубоким и значительным исследованием, отмеченным печатью незаурядного писательского и литературоведческого таланта.

Безусловно, это знаковая книга. Перед нами не только исследование о Клюеве, но и размышление об эпохе рубежа XIX–XX вв. и первой трети XX века. В фигуре Клюева, в его творчестве, как убедительно доказывает автор книги, отразились и, более того, сконцентрировались духовные искания Серебряного века и первых десятилетий XX столетия. Осмысление историко-культурного и литературного процесса этой эпохи, панорама разнообразных ее идейных и эстетических вех, анализ их взаимодействий и взаимовлияний предстает перед читателем этой книги.

Если задаться целью выделить наиболее ценный и весомый аспект труда С.С.Куняева о Клюеве, то волей-неволей оказываешься в затруднительном положении, поскольку книга исключительно многопланова, и все грани ее содержания представляются в равной степени значимыми. Бесспорно, к числу важнейших относится

биографический аспект – собственно исследование жизненной канвы Николая Клюева, в которой для исследователей до сего момента было предостаточно белых пятен, не до конца проясненных обстоятельств. Книга С.С.Куняева в значительной степени возмещает эти пробелы и открывает читателю донныне скрытые страницы биографии этого большого поэта. Столь же, или даже более существенной является собственно литературоведческая сторона этого труда, поскольку здесь анализируются важнейшие произведения Клюева и выстраивается целостная концепция его творчества. Наконец, ценность книги связана и с документальным, историческим аспектом. Автором книги проработан огромный пласт исторических документов и материалов, в том числе тех, что не упоминались до сих пор в фундаментальных исторических трудах, и уж тем более в литературе, рассчитанной на массового читателя. Рассмотрение творчества Клюева, анализ литературных и культурных явлений его эпохи – всё это имеет в качестве своей основы в разбираемой книге серьезнейший исторический анализ. В ряде случаев автор предлагает собственную глубоко аргументированную трактовку истинных причин и оснований

социальных процессов этой эпохи, например, размышляет о внутренних механизмах революционного движения первых десятилетий XX века, выявляя в нем немаловажное и даже первостепенное значение религиозного компонента.

Ценность книги С.С.Куняева заключается, конечно, и в том, что автор воссоздает личностный облик Клюева, раскрывает внутренний склад, глубинную суть, духовный стержень его натуры. В случае с Клюевым выполнение этой задачи – обнаружить и выявить специфику личности поэта – намного сложнее, чем в отношении любой другой фигуры. Клюев был мастером творить мифы о себе: как известно, он порой сознательно мистифицировал отдельные факты своей биографии, намеренно «путая следы». В среде, которая часто (почти всегда) не понимала и отталкивала его, он вел себя как «великолепный актер, для которого личины, надеваемые перед публикой, были тяжким и – увы – необходимым гнетом»¹. Клюев нередко был принужден играть, выбирать определенную манеру, амплу, те или иные формы внешнего поведения, словом, действовать по им самим сформулированному принципу: «быть в траве зеленым, а на камне серым». Многие современники Клюева упрекали его в неискренности, притворстве, а то и ханжестве и лицемерии. Перед исследователем, который поставил своей целью проникнуть во внутренний мир Клюева и воссоздать подлинный его творческий облик, стоит очень непростая задача – сквозь шелуху неправдивых свидетельств и предвзятых оценок мемуаристов, сквозь справедливые и несправедливые высказывания современников, сквозь мистификацию и мифологизацию своей биографии самим поэтом – ощутить то подлинное, настоящее, что и составляло основу его личности и творческого дара. И С.С.Куняев блестяще выполнил эту задачу: перед читателем его книги Клюев предстает человеком глубокой, истовой, неколебимой веры, которая и является фундаментом, основой его миропонимания, Клюев раскрывается как личность, которая существует будто бы одновременно в двух измерениях – в пространственно-временном измерении своей исторической эпохи и в Вечности, когда современниками и соратниками оказываются и Иоанн Креститель, и протопоп Аввакум, и Дмитрий Солунский... Наконец, Клюев предстает личностью почти непостижимо многогранной, впитавшей в себя глубочайшие и столь разнородные пласты

мировой культуры – от религиозных и культурных традиций русских староверов до современной западноевропейской философской мысли, от духовных стихов, плачей и былин до завоеваний авангардной поэзии, от сектантства до Канта, от поэзии суфиев до декадентской лирики, от русского космизма до немецких романтиков.

С.С.Куняев размышляет об этой удивительной многосоставности, многомерности творческого дарования Клюева и всё же основой клюевской поэтики считает именно древнейшие пласты национальной духовной культуры. «С невиданной силой и уверенностью»² они были внедрены Клюевым в современность – в поэтическую культуру рубежа веков и первых десятилетий века двадцатого. И именно с этим, в значительной степени, по мнению автора, связано то непонимание, а часто и открыто враждебное отношение, с которым пришлось столкнуться Клюеву: значительная часть художественной интеллигенции начала XX века не была готова к восприятию всей глубины и мощи тех пластов народного сознания, которые актуализировало его слово. В лучшем случае подавляющее большинство представителей писательской и художественной среды было готово увидеть в творчестве Клюева лишь талантливую «стилизацию», переложение «фольклорных мотивов», но «признать, что этот человек из народа более глубок, чем они сами – представители культурной элиты, – больший новатор, чем они, что он – носитель совершенно неизвестной им глубинной высочайшей культуры, – большинству из них было чрезвычайно трудно, да и просто невозможно»³. И лишь десятилетия, последовавшие много позже, станут этапом постепенного приближения к подлинному пониманию Клюева и осознанию масштаба того, что сделано им в литературе. И книга С.С.Куняева является важнейшей вехой на этом пути – опытом наиболее глубокого прочтения Клюева и наиболее внимательного и тонкого проникновения в художественное и ментальное пространство его текстов.

Размышляя о том непонимании, которое на протяжении целого ряда десятилетий сопровождало общение Клюева с современниками, С.С.Куняев поднимает тему, весьма значимую в

¹ Куняев С.С. Николай Клюев. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 219.

² Там же. С. 193.

³ Там же. С. 194.

общественной жизни и культуре той эпохи и не утратившую своей актуальности и в последующие десятилетия, вплоть до сегодняшнего дня, – это тема взаимодействия интеллигенции и народа, и даже не столько взаимодействия, сколько, напротив, разобщенности и взаимного непонимания. То враждебное и неприязненное отношение представителей творческой среды, с которым столкнулся Клюев, показало, что «они, интеллигенты, творцы прекрасного, не только не знают своего народа, но и отстали от его духовного развития, а следовательно, не могут и претендовать на роль водителей народа, его наставника. «Народ-лапотник» в действительности нуждался в том, чтобы интеллигенция поняла его, приняла и развивала вместе с ним уже созданную им культуру, шла по пути, уже им избранным»⁴. Представляется, что размышления С.С.Куняева об этом звучат остро современно, и мысль о том, что необходимым духовным ориентиром в жизни общества являются именно национальные, веками формируемые в народном сознании ценности, должна восприниматься в нынешней общественной и культурной ситуации весьма актуально.

В книге С.С.Куняева личность и творчество Клюева рассматриваются в контексте взаимодействия с ключевыми фигурами художественной среды его эпохи – прежде всего, писателями и поэтами (хотя и не только). Это и А.Блок, и В.Брюсов, и Н.Гумилев, и А.Ахматова, и Вяч. Иванов, и А.Ремизов, и, конечно, С.Клычков, П.Орешин, А.Ганин и многие другие. Особенно подробно, детально исследуется история творческих взаимоотношений Н.Клюева и С.Есенина. Открытость к творческому взаимодействию с поэтами и писателями столь различных, а нередко и противоположных художественных устремлений еще раз подтверждает идею многострунности творческого дара Клюева – поэта, которому были близки самые разные, часто далекие друг от друга культурные и литературные сферы. В том числе оказывается не чуждой Клюеву и область экспериментаторства в литературе, авангард и абсурдистская поэтика. Вокруг Клюева в 1920-е годы, по словам С.С.Куняева, «толпятся совсем уж неожиданные персонажи»: речь идет об общении Клюева с представителями группы ОБЭРИУ – с Хармсом, Введенским и Вагиновым. С Хармсом и Введенским Клюева связывали как личные, так и творческие контакты, к лирике Вагинова он проявлял «повышенное

внимание, сочетающееся с точным пониманием ограничений молодого поэта»⁵. Клюев и обэриуты – интереснейшая и чрезвычайно продуктивная тема, которая поднимается в этой книге.

Автор книги справедливо уделяет особое внимание творческому взаимодействию Клюева с кругом поэтов, которых в современном литературоведении принято называть «новокрестьянскими». Размышляя о специфике этого направления в русской литературе 1910–30-х годов, С.С.Куняев вводит другое его обозначение – поэты «Русского Возрождения». Представляется, что предложенное автором определение действительно верно отражает суть их мировосприятия и творческих установок – возрождение национальных ценностей (в противовес официально декларируемым интернациональным), осмысление действительности в категориях, выработанных национальным сознанием, художественное претворение древнейших пластов народного искусства и вместе с тем владение новейшими открытиями литературы рубежа веков и первых порубежных десятилетий, открытость к модернистским и авангардным веяниям.

С.С.Куняев размышляет в своей книге о том, что миропониманию этих писателей и поэтов абсолютно не была свойственна лубочная, сугубая идеализация народного бытия. Приоритет национальных традиций, глубинное усвоение многовекового опыта вовсе не означали слепой идеализации жизни народа в любых ее проявлениях. Достаточно вспомнить ряд приведенных в книге суждений Клюева – например, тех, что были высказаны им в беседе с И.Брихничёвым (опубликована под заглавием «Богоносец ли народ?» в журнале «Новое вино», 1913 год). Можно упомянуть и далеко не идеализированные представления о народной жизни, выраженные в прозе Алексея Ганина, – в его романе «Завтра» (1923) или рассказе «Иван и корова» (1923). Опора на духовные ценности, сформированные столетиями национальной истории, сочеталась в сознании поэтов «Русского Возрождения» с чётким осознанием того, что те или иные стороны народной жизни требуют существенных изменений, неслучайно практически все поэты этого направления первоначально отнеслись восторженно к идее революции, к перспек-

⁴ Там же. С. 194.

⁵ Там же. С. 448.

тиве радикального переустройства жизни страны. С.С.Куняев детально анализирует восприятие Клюевым революционной идеи: от искреннего воодушевления, мечте о «революции, творимой «всёвыносящим народом», который «факел свободы зажжёт»⁶ – к глубоким расхождениям с революционной идеологией, кардинальным противоречиям с политическими установками большевиков.

Вообще, раскрытие влияния тех или иных мировоззренческих ориентиров на творчество Клюева – будь то революционная идеология или какая-либо философская система, старообрядчество или сектантство – становится одной из приоритетных задач, которые ставит перед собой автор книги. Анализ широкого круга идейных влияний, отразившихся в творчестве Клюева, С.С.Куняев всегда сопровождает глубоким и подробным историко-культурным комментированием. Так, говоря о роли старообрядчества в мировоззрении Клюева, автор предлагает детальный экскурс в историю древлеправославия, опираясь при этом на ряд документов и исследований, рассказывая читателю о различных ответвлениях внутри старообрядчества, размышляя о тех культурных традициях, которые на протяжении столетий оказывались бережно хранимыми исповедниками старой веры.

Книга С.С.Куняева написана очень эмоционально, страстно. Она удивительным образом сочетает в высшей степени заинтересованный тон повествования с четкостью и продуманностью композиции, структурированностью изложения, логикой подачи материала, вплоть до лейтмотивных переключек внутри книги, композиционных параллелей в построении целого. Например, начало книги, ее первая фраза – «Крик. Крик и холод» – отражается в 24-й главе, образуя лейтмотивную арку внутри текста. Эта фраза становится не только ярким, сразу захватывающим читателя зачином повествования. Такое начало, как и повтор этой фразы в книге, имеет, конечно же, символическое значение. Крик – это метафора всего творчества Клюева. Страстный и яростный, истовый и исступленный крик. Это крик боли о национальной судьбе, о русском крестьянстве, о духовном наследии Отечества и, наконец, пророческий крик-клич, возвещающий грядущие гибельные страницы

нашей истории. Крик и холод. Холод равнодушия и враждебности, который почти всегда, за редчайшими исключениями, встречало клюевское слово. Холодное, агрессивное отношение современников к творчеству поэта, отношение, которое чаще всего сказывалось явно, а иногда скрывалось за маской внешнего дружелюбия. Холодное, нечуткое, неприязненное восприятие наследия этого большого поэта на протяжении ряда последующих десятилетий. Лишь в последнее время холод отчуждения при оценке творчества Николая Клюева постепенно сменяется вдумчивым и внимательным, заинтересованным и бережным отношением. И новая книга серии «ЖЗЛ», созданная высокоталантливым писателем, исследователем и критиком, – одно из самых ярких тому свидетельств.

**Сергей Куняев
Николай Клюев.**

**М.: Молодая гвардия, 2014
Серия «Жизнь замечательных людей»**

⁶ Там же. С. 42.